

Дала Умуд

СДЕЛКА С СОВЕСТЬЮ

12+

Лала Умуд

Сделка с совестью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50296165

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник рассказов современного автора Лалы Умуд. Рассказы захватывают своей искренностью, невероятными сюжетами и неизменным счастливым концом. Автор, будто сам незримо присутствуя, доверительно беседует с читателем. Рассказы дарят нам надежду, оставляет легкость и настроение. Ее живительным теплом, мудростью, искренностью, любовью к людям, природе, к каждому проявлению жизни пронизаны все представленные в сборнике рассказы, какой бы тематике они не были посвящены. Они интересны не только раскрытием неожиданных сторон жизни героев, тонким психологизмом, порой мистическими сюжетами, но и ненавязчивыми советами автора жить, радоваться яркому солнцу, любить и быть любимыми... Любая сделка это договор... Сделка с совестью, поступок против собственных убеждений, когда сознание вступает в противоборство с подсознанием и когда в итоге побеждает банальная, но такая сладкая для нас выгода. А совесть... совесть вообще интересная штука, особенно когда подключается Alter ego...

Содержание

ОЗЕРО	5
МОЁ СТЕКЛЯННОЕ СЧАСТЬЕ	17
БУМЕРАНГ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Свою вторую книгу я посвящаю памяти моего любимого, незабвенного отца Марлена Моминовича Багирова. Человека, который научил меня доброте и милосердию. Научил самому главному в жизни – любить и прощать...

ОЗЕРО

Иногда по ночам мне снился один и тот же сон: по извилистой дорожке я спускаюсь к воде. Это озеро, не река, а именно озеро. Поверхность его блестит и очерчивает явные границы водоёма, поросшие зарослями тростника и камышом. Меня гонит к воде какая-то необъяснимая тревога и сильная паника, я боюсь не успеть и, доходя до воды, просыпаюсь. Сон оставлял ощущение реальности происходящего и смутное беспокойство чего-то неизбежного.

Я даже записался к психологу, Самуилу Миртовичу, – так звали этого целителя человеческих душ. Это был мужчина почтенных лет с пронизательными глазами, солидным стажем работы и алым шарфиком на шее. Этот шарфик окончательно смутил меня. За полтора часа общения психолог брал немалые деньги, но вместо того, чтобы рассказать о своих переживаниях, о странном сне, я беспрерывно думал о его дурацком шарфике. Зачем он повязал такого яркого цвета аксессуар? Был ли Самуил Миртович любителем экстравагантности, страдал ли фарингитом или надел первое, попавшееся под руку кашне?

Сосредоточившись, я всё же объяснил психологу свою проблему. Он усадил меня в уютное мягкое кресло и начал пространное объяснение, дескать, вода – это один из важнейших спутников человека довольно часто появляется в снах.

И, делая психологический анализ моего сна, он выявил, что это есть универсальный символ бессознательного ощущения скрытых эмоций, глубины личности, где таятся мои неосознанные страхи. Возможно, в прошлом я не получил от кого-то помощи или сам не успел кому-то её оказать. Психолог монотонно бубнил, обильно сдабривая свою речь терминами, теребил алый шарфик, и я заснул. В итоге проснулся от того, что профессор дёргал меня за рукав водолазки, хотя не совсем уверен в том, что он действительно профессор.

– Милейший, наше время истекло. Как вы себя чувствуете? Взгляд ваш прояснился. Думаю, всё будет отлично. Запишитесь у моей ассистентки на среду, буду вас ждать.

Я поднялся с его волшебного кресла, поминая добрым словом своего друга Сашу, который всегда ругал психологов, психотерапевтов и говорил мне:

– Послушай меня. Я без настроения, с шефом разругался, жена мозг пилит, а денег катастрофически не хватает ни на что! Соответственно, у меня жуткий депресняк. И что мне, сорокалетнему мужику, советуют? Естественно, идти к психологу. Ну, пришёл. И что он сделает? Что посоветует? Шефа уволит – потому, как только это меня спасёт? Жену мне поменяет на Верку с четвёртого этажа, или бабла отвалит погасить кредит? Да ни фигя подобного. Он с меня нехилую сумму потребует и расскажет, что солнце восходит на востоке, а заходит на западе, что депрессия – мать её за ногу – это не признак слабости, а показатель того, что человек слиш-

ком долго пытался быть сильным. Это, между прочим, по Фрейду. Ну и что, поможет мне это? Нет! А поможет мне, дружище, вечер с тобой, хорошая выпивка, вот тогда и сил прибавится дальше воевать.

В принципе, Сашка был прав: ничего не дал мне этот поход к психологу. Без того проблем в жизни хватало. Тяжёлый развод с истеричкой женой, которая до свадьбы была милой спокойной девушкой, поддерживающей меня во всём, а после загса мистическим образом поменялась и стала невыносимой агрессивной фурией. И мамочка у неё всегда на подхвате, скандалы мне закатывались на пустом месте. Чтобы спокойно провести хотя бы вечер дома за просмотром футбола, я оплачивал её нескончаемые покупки и терпел её мамашу, которая приходила на пару часов, а задерживалась на неделю.

Работа у меня сложная, даже где-то творческая, веб-дизайнер. Мне хотелось спокойствия и гармонии. И тогда я на время уходил к родителям. Сначала отец с матерью принимали меня с распростёртыми объятиями: мама хлопотала у плиты, считая, что я осунулся и, наверное, недоедаю, а папа терпеливо ждал меня после работы у шахматной доски с заботливо расставленными фигурами. Такая семейная идиллия в отчем доме продолжалась от силы три-четыре дня, а потом начиналось: сначала мама, слегка укальывая, проходила по моей семейной жизни, потом – по работе. Далее вступал отец, и шла ода моей никчемности, несостоятельности,

что я не забочусь о них, стариках, а как жареный петух меня клюнет сзади, так бегу к родителям, и всё в таком духе. Потом я им надоедал, и они переключались друг на друга. Тут хоть караул кричи. Их взаимные упрёки и придирки шли нескончаемым потоком. Мне оставалось только удивляться, каким образом отец, перенесший инфаркт, и мама, жалующаяся на высокое давление, находили силы на непрерывные склоки. Создавалось впечатление, будто силы они черпали в скандалах и завершали их с румянцем на лице, как помолодевшие. У родителей я выдерживал максимум дней шесть.

Я считал, что проблема во мне: жил неправильно, не понимал людей, даже родных не мог понять. Чувствовал себя чуть ли не изгоем, потерял вкус к жизни, ничто меня не радовало: ни высокая зарплата, ни посиделки с Сашей и товарищами. Всё, к чему стремился до недавнего времени, потеряло всякий смысл, произошла какая-то переоценка. Нужна была перезагрузка.

И вот в один из ясных майских дней я вдруг чётко понял, что мне нужно делать. У моего друга Сашки был загородный дом в двух часах езды, и он пригласил меня к себе на выходные. Дом остался ему в наследство от деда, весьма добротный сруб из мощных брёвен. Хотя он был построен давно, внутри всё равно витал запах дерева, распространяющий тонкий смолистый аромат. Кругом было спокойствие. Тишину прерывало лишь пение птиц шелест старых деревьев. Я дышал полной грудью и, казалось, свежий воздух пьянил ме-

ня и открывал в моей голове какие-то новые ходы, через которые я начинаю мыслить по-другому.

– Слушай, возьми ведро, принеси воды, – обратился ко мне Саша, – здесь недалеко озеро. А то питьевой водой я запасаюсь, а для мытья – нет. Я взял ведро и пошёл по дорожке, которую мне показал Сашка. Тропинка спускалась вниз по склону, я почти сбежал по ней и увидел перед собой озеро, серо-голубую гладь воды, окаймлённую камышами тростником, виденное мною много раз во сне. Я узнал бы его из тысячи. То ли подсознательно, то ли интуитивно, но я понял, что это озеро из моего сна. Некоторое время я стоял как вкопанный, потом, набрав ведро воды, поднялся к Сашкиному дому. Мы развели костёр, куда побросали жухлые прошлогодние листья и еловые шишки. Дымок от костра пополз вверх и развеялся над соседними домами. Растопили баню, попарились, нажарили себе мяса на углях, на запах которого потянулись гости. Сосед Сашки, пожилой мужчина, пришел со своей густой тягучей наливкой из слив. Он-то и завел разговор, что хочет продать свой дом и участок и переехать город к дочери. Решение пришло сразу – я хочу здесь жить! Уволюсь с работы, накопленных денег хватит на первое время, а там видно будет. Заведу хозяйство, гусей белых. Почему мне в голову пришли именно белые гуси, не знаю. Я, до мозга костей урбанизированный человек, понятия не имел, как жить за городом. Но впервые за последнее время у меня возникло желание пожить вдали от города. Может, я был

излишне впечатлителен, и это озеро, много раз снившееся мне и вдруг возникшее наяву, и повлияло на мое скоропалительное решение. Мой друг, узнав, что я хочу сделать, отговаривал меня.

– Ты загнёшься здесь. Послушай, купи дом, я не против. Но зачем переезжать из цивилизации в глушь? Ну да, здорово приезжать сюда на выходные, но поверь, больше трёх дней выдержать здесь невозможно.

– Нет, мне нравится здесь. Попробую пожить, и озеро – это какой-то знак, – вяло возражал я Сашке просто для формы.

– Да брось ты, какое озеро? Они все одинаковые – и во сне и наяву, круглые, с камышами и лягушками.

Но я никого не слушал и развил бурную деятельность. Продав городское жильё, купил этот дом и сразу же приступил к ремонту. На участке работали рабочие, проводили необходимые для жилья дополнительные коммуникации, утепляли стены и полы. За этими хлопотами пролетело лето, наступила осень. Дом мой был почти готов: добротный, заново отделанный. Я вложил в него основательно, продумал всё до мельчайших деталей: почти всё перестроил, поднял фундамент, отстроил в доме камин. В дальнем углу участка соорудил курятник, откуда доносилось кудахтанье кур. Порой я не понимал, что делаю, но действовал будто по заранее набросанному плану. Участок, который продал мне дед, сильно преобразился. Не тронул я только палисадник с ярки-

ми хризантемами, которые расцвели с приходом осени. Особенно меня будоражил запах цветов после дождя – свежий, терпкий; его хотелось вдыхать полной грудью.

Наступили холода. Я уже третий месяц жил в деревне в новом доме. За окном, не переставая, шел дождь, от ветра трещали деревья, шум волн, бившихся о густые заросли камышей на озере, был отчетливо слышен. Работу свою, конечно, я не забросил и выполнял запросы на компьютере. Дорогу на въезде в деревню размыло, поэтому даже при желании невозможно было бы выехать. Жил я уединенно, но одиночество меня не тяготило. Я разбирался себе, заново учился воспринимать окружающий мир. Теперь становилось понятно, насколько город зашлаковывает восприятие действительности. Выйдя на улицу, мы видим то, что нам надо увидеть. Садимся в такси и едем по назначению. Мельком бросаем взгляд в окно, потом – на часы – не опоздать бы. Теперь каждое утро я видел небо, и всегда разное: хмурое – к дождю, веселое, с пушистыми облаками – к солнцу. А звёзды, – я не помню, когда в городе видел звёздное небо, как сейчас. В ясную ночь эти светящиеся точки висели над головой, и я мог различить Большую Медведицу и яркую Полярную звезду. Когда-то в детстве я читал, как искать эту северную красавицу: она находится на конце хвоста Малой Медведицы.

И всё же мое отшельничество было нарушено. В один из дождливых дней я увидел в окне сидящего под деревом рыжего пса. Приоткрыв дверь, бросил ему кусок колбасы. Со-

бака с достоинством подошла к еде и всё съела. На шее у пса я заметил ошейник. Самое ужасное, когда хозяева берут на летние месяцы для забавы домашних питомцев, а с окончанием дачного сезона попросту выгоняют их на произвол судьбы. Видно, моего нового гостя постигла та же участь. Я решительно взял собаку за ошейник и повёл в баню. Там её хорошенько выкупал и оставил у себя. Пес оказался интеллигентным, вел себя спокойно, иногда лая на слишком сильные порывы ветра. Я назвал его Рыжий.

Раз в десять дней надо было ездить в райцентр за продуктами, поскольку рядом не было больших магазинов. Я запасался провизией и забивал ею свой огромный холодильник, который стоял в погребе. Даже хлеб держал в холодильнике, разогревая его в микроволновке, а когда он заканчивался, переходил на сухари. В городе я особо не заморачивался на еде, мог по пути забежать в кафе или купить пончик в кондитерской. Меня мало волновало содержимое шкафов на наличие еды. Теперь же я тщательно готовился к походу в магазин, составлял список: крупы, сухари, консервы для Рыжего. Много думал и пришёл к выводу, что я сам создал себе новое условие жизни – одиночество. Это своего рода тоже жизненный опыт, дающий мне возможность познавать мир, понимать, на что я способен и расширять мою человеческую природу.

Смешно! Был мистиком, которого преследовал кошмарный сон про озеро, а стал философом-затворником, живу-

щим на берегу озера. Сон свой, кстати, я больше не видел. Спал спокойно, бессонница меня не мучила. Вообще стал себя чувствовать абсолютно здоровым. Прошли боли в спине и бесконечные мигрени, мучившие меня в городе. Я перестал испытывать стресс, волнение, это идиотское состояние тихой ярости, когда не можешь найти мобильный телефон или, когда этого телефона слишком много в твоей жизни. Теперь я днями не вспоминал о нём, он попросту был не нужен.

Куры исправно несли яйца, Рыжий нёс вахту у пылающего камина, а я, бросая в огонь набранные в лесу и высушенные можжевеловые шишки, вдыхал смолистый хвойный аромат, удобно устроившись в кресле у огня, и ощущал себя почти счастливым человеком.

Пролетела зима и наступила весна. В сельской местности воочию наблюдаешь малейшие перемены природы, что очень трудно заметить в городе. Особенно это заметно весной, когда набухают почки на деревьях, и буквально через несколько дней из них проклёвываются первые клейкие листочки. С приходом тепла ожил и посёлок. Рядом с моим жильём стоял небольшой каменный дом, где жила пожилая женщина. Зимой она уезжала в город к дочери, а весной возвращалась сюда. В этот раз тётя Полина приехала с внучкой, девочкой лет шести. Бабулька была словоохотливой, и каждый раз, увидев меня, долго рассказывала о житье-бытье, о внучке-непоседе, которой нужен свежий воздух, о том, что

она плохо спит и по ночам ходит с открытыми глазами. Я терпеливо выслушивал соседку, потом спешно убежал по своим делам. Дел было полно, еле успевал управляться и по дому, и в саду. А гусей всё-таки я себе купил. Они были беспокойными и на всё реагировали лучше собаки. Посторонний с опаской заходил во двор – в любой момент гусак или гусыня могли с шипеньем наброситься на чужака. Я действительно получал удовольствие, живя на природе, выходит, был интровертом. Ведь для меня одиночество и уединение оказались необходимым условием для отдыха, я наслаждался жизнью. Но в глубине души какое-то беспокойство всё же было. И это было связано с озером. Этот сон я больше не видел, но забыть его не удавалось. Интуитивно понимая, что есть какая-то взаимосвязь озера, у которого я живу, с озером во сне, я никак не мог её уловить. И не смог бы, как выяснилось позже.

Это произошло в июньский жаркий вечер. Обеденный стол я давно вынес на веранду и, засиживаясь допоздна, работал или подсчитывал свои расходы. Далеко за полночь отправился спать. Спустя столько времени мне опять приснился тот же сон: как я бегу по извилистой дорожке, объятый ужасом, и понимаю, что не успел. Резко вскочив, я обо что-то сильно ударился в темноте. Тут же залаял Рыжий. Наспех натянув брюки, я выбежал из дома. Собака неслась впереди меня. Я понимал – что-то происходит уже наяву. Разгадка была близка. По этой же извилистой тропинке быстро сбе-

жал вниз к озеру. Рыжий как будто знал про мой сон и вёл меня. Вот и чёрная гладь озера. Подбегая к воде, пёс залиvisto залаял. А там, почти по горло в воде, стояла соседская внучка, шестилетняя девочка. Я бросился за ней в воду и, схватив в охапку, вынес на берег. Глаза ребёнка были открыты, зрачки сужены, но она спала.

– Лунатик, – сердце моё стучало от волнения, а голове пульсировало одно слово: успел, я успел. Сверху уже доносился шум и крики – искали ребёнка...

С того случая прошло пять лет. Я спас девочку и обрёл долгожданное спокойствие. Тревога, столько лет сидевшая внутри, покинула меня, уступив место размышлениям. Чем был мой сон? Закономерностью? Я даже заглянул в словарь и узнал, что закономерность – это наблюдаемая зависимость между событиями или явлениями.

Мама спасённой девочки приехала поблагодарить меня. Она оказалась очень милой приветливой женщиной, без мужа воспитывающей ребёнка. Мы разговорились, стали общаться, а со временем наши отношения переросли в нечто большее. Спустя время мы поженились, я удочерил её ребёнка. Лика давно избавилась от лунатизма, едва ей исполнилось десять лет. Кроме неё у нас ещё растут близнецы. Семья моя живёт в том же самом доме у озера. Иногда, думая о том, что произошло в моей жизни, я понимаю, как тесно переплетены события и люди, наши поступки и всё, что происходит где-то рядом.

Я люблю ночью перед сном гулять у озера. Оно отнюдь не пугает. Меня успокаивает журчанье воды, тихий шелест камышей и воинственное кваканье лягушек. Когда я гуляю один, всегда смотрю на небо мысленно благодарю Его. Того, кто тонкими нитями переплетает наши судьбы и посылает вещие сны, заставляет нас менять жильё, оставлять у себя бездомных собак, и даёт нам, пусть хоть и призрачную, но надежду, надежду на счастье!

МОЁ СТЕКЛЯННОЕ СЧАСТЬЕ

У меня были изысканные манеры, как у настоящей леди. С детства я обучалась трем языкам, могла безошибочно распознать дурной вкус в одежде и фальшь в людях. Я была единственным ребенком у родителей, они во мне души не чаяли и потакали всем моим капризам. Мой отец был знаменитым нейрохирургом и мечтал видеть меня своим ассистентом на операциях. Я поступила в медицинский колледж, стала врачом-терапевтом, а потом все-таки доучилась до хирурга. Отцовские гены взяли верх. Папа был амбициозным, считал себя светилом нейрохирургии. Делал операции, но не всем, из-за чего я часто спорила с ним. Но вскоре я поняла, что отцовский снобизм и самовлюбленность несколько зашкаливают, и перестала выяснять отношения. Я была наивная и непосредственная, считала, что поменять мир в лучшую сторону в моих силах. Деньги не главное, главное – спасти людей дарить им жизнь. Отец и вправду был хорошим специалистом, но часто отказывался от сложных, почти обреченных больных. Зачем? Ссылался на усталость; но позже я поняла – он не хотел портить репутацию. Если безнадежного больного нельзя спасти, то пятно на безупречной работе блестящего хирурга обеспечено. Я – абсолютная противоположность отца. Часто бралась за самые трудные и безнадежные случаи и порой теряла больных. Тогда чувствовала, что часть моих

нервных клеток умирала с ними, с моими не спасенными пациентами. В такие минуты я проклинала себя, медицинский ВУЗ понимала отца.

Мой первый спасенный пациент был мальчишка семнадцати лет. Катаясь на велосипеде по проезжей части, парень попал под грузовик. Операция длилась восемь часов. И он выжил. Это состояние эйфории после спасения жизни человека не заменят никакие эмоции и чувства. Это верх блаженства, это nirvana, в которую погружаешься без медитаций, простояв девять часов в операционной, обливаясь потом под галогенами, когда спину сводит судорога, медсестра вытирает пот марлей и украдкой растирает тебе спину.

Я завоевала себе репутацию путем потерь и побед. К счастью, удача больше сопутствовала мне в работе. Я стала отличным хирургом, а, главное, фанатом своего ремесла.

Распоряжаясь чужими жизнями, борясь за каждый вздох человека, свою личную жизнь я пустила на самотек. Впрочем, обо всем по порядку. Это произошло, когда мне было девятнадцать лет. Нас пригласил на вечеринку парень, с которым я дружила в колледже. Это был пуэрториканец по имени Хесус, но родственники и друзья звали его Сесу. Он был из семьи богатого промышленника, который мечтал сделать из сына врача. Парень был начитанным и очень интеллигентным. Имел неординарную внешность для латиноамериканца – ярко зелёные глаза сочетания с оливковой кожей. Девчонки сохли по нему, но он не обращал на них никакого

внимания. Видимо, воспитан был в старых традициях. Мы были с Сесу не разлей вода: вместе готовились к экзаменам, вместе гуляли и отдыхали.

Та вечеринка была устроена в честь дня рождения Хесуса. На открытой веранде было зажжено множество китайских фонариков. Перед огромным домом расставили длинные столы, а позади дома, у бассейна, был накрыт стол со сладостями. Музыканты играли тихую мелодию. Всё выглядело торжественно и красиво. Мы веселились, пили лёгкое игристое вино и танцевали. Нас, близких друзей, было человек семь, а остальные приглашённые – родственники и друзья отца Хесуса. После вечеринки Сесу уговорил нас остаться на выходные. Мои родители хорошо знали его семью, поэтому проблем не возникло...

Стоял жаркий летний вечер и мы, дурачась, прямо в одежде прыгали в бассейн, хотя у всех с собой были купальники. Мой белый сарафан набухал в воде, а когда я вылезала, он плотно облегал моё тело и струи воды шумно сбегали обратно в бассейн. Никогда не пившая шампанского в таких количествах, я смеялась без остановки. Накупавшись, мы вышли пить чай с именинным тортом. Но было душно, пить горячий чай с жирным бисквитом не хотелось, и я решила пойти в дом переодеться. Комната для гостей была на втором этаже. Стараясь не наследить, я поднялась в комнату, быстро скинула мокрое платье, надела шорты, и вдруг на мгновение мне показалось, что из-за занавески с балкона на меня кто-

то смотрит. Мне стало не по себе. Было темно, но я отчётливо видела глаза. И судя по их расположению, человек был выше среднего роста. Быстро натянув майку на голое тело, я выбежала из комнаты. Мои друзья, купавшиеся в бассейне, уже переоделись и, мирно болтая, разошлись по большой территории усадьбы Хесуса.

– Тана, – услышала я голос Сесу и обернулась. Он шёл ко мне с каким-то парнем.

– Познакомься, это мой самый близкий друг.

– Здравствуйте, – я протянула руку.

Это был высокий смуглый парень с чёрными глазами, которые, казалось, прожигали насквозь. Взгляд у него был необычный, он будто гипнотизировал.

– Тони, – представился он.

Пожав мою руку, он не задержался, а развернулся и ушёл. Тони казался старше моего друга. Возможно, возраст ему прибавляли зализанные волосы и борода.

– Я рассказывал тебе, помнишь? – торопливо начал Хесус. – Когда Тони был ребенком, мой отец усыновил его, и с тех пор мы как братья.

– А он старше тебя?

– Да, на пять лет.

Он был каким-то другим, непохожим ни на Хесу-са, ни на одного из моих друзей. Взгляд парня взбудоражил меня. Мне казалось, в комнате были эти же глаза, когда я переодевалась. Брат Сесу как будто манил меня. Я искала его глазами, но

не могла найти.

Вскоре мы расселись за столики, и Хесус взял гитару. Он прекрасно играл и очень проникновенно пел, почему-то не отрывая взгляда от меня. Тихая, нежная мелодия проникала нам в душу, и мы слушали, как заворожённые. Это была испанская песня о любви парня к девушке, который не мог признаться ей в своих чувствах.

Тихо наступала ночная прохлада. Кругом громко пели цикады и до одурения пах жасмин. Мы разошлись по своим комнатам далеко за полночь. Внизу убрали праздничные столы. Я легла на кровать и незаметно для себя заснула. Проснувшись в два часа ночи, вдруг вспомнила, что оставила телефон на столике у бассейна, а утром наверняка будет звонить мама. Босиком выбежав из комнаты, я спустилась к бассейну и обнаружила телефон там, где и предполагала. Внезапно я услышала топот и тяжёлое дыхание – издаleка на меня мчался огромный бультерьер с оскаленной пастью. От страха я прислонилась к столбу, который поддерживал навес над бассейном. Зрелище было настолько ужасающим, что от испуга меня словно парализовало. Я не могла кричать. Пёс стремительно приближался. Его налившиеся кровью глаза явно свидетельствовали об агрессии к чужаку, вторгнувшемуся на охраняемую им территорию. Зажмурив глаза от безысходности, я вдруг услышала глухой удар и собачий визг, а когда открыла глаза, то увидела непонятно откуда появившегося Тони. Он пнул пса ногой, и тот отлетел

в сторону, поджав лапы и жалобно заскулив.

– Я провожу тебя. Обычно он на привязи, но садовник, решив, что все спят, выпустил Феде побегать. Пойдём.

Я, как заговорённая, пошла за ним, не вымолвив ни слова. Он проводил меня до комнаты. У меня пересохло во рту и всю трясло от пережитого страха.

– Тебе плохо? – он посмотрел мне в глаза. Я кивнула головой. – Присядь, я принесу тебе воды.

Я села на кровать, а через несколько минут он появился с бутылкой воды, откупорил ее и протянул мне:

– Пей!

Я выпила. Дрожь немного унялась.

– Какая ужасная собака, – смогла выдавить я хриплым голосом.

– Бультерьер, – пожал плечами он, – хороший бойцовский пёс, для охраны незаменим.

Он сел на мою постель.

– Стало легче?

Я кивнула, стараясь не смотреть ему в глаза. Его взгляд будто обволакивал меня, путая мысли в голове. Телефон! – снова вспомнила я. Он выпал из моих рук, когда на меня неслась собака.

– Я оставила свой телефон внизу, потому и спускалась ночью. Вы могли бы его принести?

Он пожал плечами и вышел. Минут через десять он вновь стоял на пороге моей комнаты, протягивая мобильный. Я по-

благодарила его и забрала телефон. Меня все ещё колотила мелкая дрожь. Я никак не могла взять себя в руки, и он почувствовал это.

– Тебе надо выпить! – утвердительно произнёс Тони и в третий раз вышел из комнаты. Вскоре он вернулся с початой бутылкой виски и стаканом.

– Пей залпом, почувствуешь тепло, и дрожь пройдет.

Я послушно выпила и подавилась, обжигающая жидкость встала поперёк горла. Задыхаясь от кашля, я вскочила коленями на кровать и оказалась с ним лицом к лицу. Что произошло потом, помню очень смутно. Он обнял меня, и мы оказались в постели. Я никогда прежде не испытывала тех ощущений, которые в тот момент накрыли меня с головой. Неискушённая в любовных вопросах, я молча подчинялась его рукам и только жадно ловила губами его губы. В ту ночь он овладел не только моим телом, но и моим сознанием, разумом и душой. Это я поняла спустя годы. Я приняла его тогда, как нечто, посланное мне свыше. Как это получилось и какой магией он обладал, не знаю. В ту ночь он остался у меня до утра. На рассвете оделся и ушёл, а я лежала, не в силах пошевелиться. Меня отрезвил стук в дверь. Это был Хесус.

– Тана, ты проснулась? Мы уже купаемся и завтракаем.

– Да, да, я тоже иду.

Медленно одевшись, я увидела в зеркале тёмные круги под глазами и надела солнечные очки. Все уже были внизу. Девочки загорали. Сесу подбежал ко мне.

– Доброе утро! Как спала?

– Нормально, спасибо, – промямлила я.

Слава тому, кто придумал тёмные очки, – пол-лица скрыто, и никто из окружающих даже не догадывается, что творится у тебя на душе.

Я пила кофе, когда появился он. Через весь сад Тони вёл на цепи вчерашнюю собаку, крепко держа в руках поводок, а пёс боязливо косился на него.

– Видишь, только Тони смог приручить бешеного Феде. Ему это раз плюнуть, – засмеялся подошедший ко мне Хесус. А у меня на душе скребли кошки от этого зрелища. Оно навсегда врезалось в мою память – его сильные загорелые руки с проступившими венами и огромный бультерьер на цепи, семенящий, как испуганный щенок в тени хозяина. Вот так же на цепи он будет вести не Феде, а меня...

В тот же день ближе к вечеру я уехала. Сесу просил меня остаться, но я не могла. Каникулы продолжались, и мы с родителями уехали отдыхать. А осенью перед занятиями я поняла, что беременна. Это был удар! Удар по моей жизни, по амбициям моего отца и крест на моей будущей карьере хирурга. Я не знала, что мне делать и у кого просить помощи. Несколько недель я собиралась с силами и, наконец, решила рассказать все Хесусу. Мы встретились в тихой кофейне недалеко от места нашей учёбы. Я понимала, что нравлюсь Хесусу и сделаю ему больно своим признанием, но выбора не было.

– О чем ты хотела поговорить со мной, Тана?

– Помоги мне, Сесу, – я заплакала.

– В чем? Что произошло? – он всполошился.

– Я беременна!

Он остолбенел от этой новости.

– То есть как? От кого?

И я рассказала всё, что произошло на его дне рождения.

Он слушал с окаменевшим лицом. Зелёные глаза стали холодными, а зрачки сузились, как кошки.

Как ты могла такое допустить? В моём доме! Как он мог это сделать?! Я должен рассказать все отцу.

Я молча замахала руками

– По-другому не получится! Отец заставит его жениться на тебе, и тогда всё более-менее образуется.

– Заставит? – тихо прошептала я.

– Да, он по доброй воле этого не сделает. Тони своенравный и упрямый и, скорее всего, уже не помнит о твоём существовании.

Его слова сильно ранили меня. Мне стало больно и неприятно. Но честный и открытый Хесус привык всё называть своими именами и просто описывал создавшуюся ситуацию.

– Ты знаешь, Тана, не факт, что, женившись, он останется с тобой. Скорее всего, вы разведетесь. У него невыносимый характер. В детстве его родители разбились в автокатастрофе. Он тоже был с ними, но выжил. Из родственников у него только старая тётка, а поскольку наши отцы были близ-

кими друзьями, папа усыновил Тони. Тогда ему было семь лет. Возможно, перенесённая травма повлияла на него, не знаю, но он рос сам по себе. Отец открыл дело, доверил его Тони, и вроде он неплохо справляется... Несмотря ни на что я очень люблю его, но тебя предупреждаю: будь с ним осторожна. Хотя уже поздно предупреждать.

Всё произошло так, как говорил мой друг. Отец Хесуса, великодушный и добрый человек, встретился со мной и предупредил, что будет просить моей руки у отца. У него много недвижимости, он подарит мне квартиру и обеспечит деньгами. Так всё и получилось. Папа вначале хотел отложить свадьбу, но потом, под напором новых родственников, согласился. Отец Хесуса был богат и влиятелен, и отказывать такому человеку мои родители не могли. Было назначено венчание в церкви и застолье дома у Хесуса. Я думаю, что мама обо всём догадывалась, но делала вид, что не понимает. Я будто участвовала грандиозном сговоре, и даже священник в церкви, казалось, с укором косился на меня. Мой новоиспечённый муж стоял рядом в чёрном костюме какой-то отрешённый. Я увидела его второй раз в жизни на венчании. Его как будто не касалась эта церемония. Мне даже показалось, что он с трудом узнал меня. Хесус, мой бедный друг, оказался прав! Он был всё время рядом, подбадривал и смеялся, а в глазах я читала боль и отчаяние. После банкета нас отвезли в просторную меблированную квартиру, подаренную отцом. Там же на этаже была квартира Хесуса. Мой муж на свадьбе

так напился, что придя домой, повалился на кровать прямо в костюме и заснул. Я сдёрнула с него туфли и легла рядом. Под утро он встал, выпил воды, разделся и опять уснул. Как и предсказывал Хесус, Тони прожил со мной неделю, при этом ежедневно появлялся только ночью. Ко мне не лез. А через неделю ушёл с концами.

Я ходила в институт, зубрила лекции. В положенный срок родила хорошенького мальчика. Отец Хесуса, как и обещал, оплачивал все расходы. Нянька и домохозяйка постоянно помогали мне, ведь меня начинались самые сложные годы учёбы и практики. Тони не появлялся.

Так прошло пять лет. За это время я очень изменилась: повзрослела, остригла волосы – они мешали мне во время операций. Очень много работала, на личную жизнь не хватало времени. Хесуса отец тоже решил женить, но брак долго не продлился. Через год они развелись, и его жена, получив кругленькую сумму, оставила грудного ребёнка и уехала. У Хесуса тоже родился мальчик, который был на два года моложе моего Алекса. Я назвала сына Александром в честь своего отца. Поскольку мы с Хесусом жили на одной лестничной площадке, наши дети росли вместе. Тони находился в Южной Африке по делам фирмы. Я не видела его все эти пять лет.

Как-то зимой отец Хесуса приобрёл на севере страны отель в горах и пригласил нас там отметить день рождения жены. И вот, накануне Рождества, оставив малышей под при-

смотром моих родителей и няnek, мы поехали туда. Мне не хотелось ехать, но Хесус так просил, что я согласилась. Место и вправду было прекрасное. Окружённый лесами отель будто терялся среди сугробов, уходящих вверх к горным вершинам. Повсюду тишина, и только пушистые хлопья снега падают с тихим шуршанием.

Мы собрались в большом, но уютном зале, где мирно потрескивал камин. Нас было человек пятнадцать, не больше. Я даже не видела, кто был среди гостей. Дорога немного утомила, и я прилегла отдохнуть. Номер был очень просторный, с удобной кроватью и большими окнами, за которыми открывался чудесный вид. Позже, переодевшись, я спустилась в зал. Ко мне подошёл Хесус.

– Как ты?

– Нормально. Здесь так хорошо.

– Послушай, Тони тоже здесь. Отец захотел поселить его в твой номер, но я могу попросить, чтобы он заселился в соседний. Ведь ты устала с дороги и вообще...

Но я уже заметила его сама. Он стоял у камина и о чём-то говорил с одним из гостей. Потом оглянулся и увидел нас с Хесусом. Мы замолчали. Какая-то мощная энергетика исходила от него. Все эти годы ничего, кроме презрения, я к нему не испытывала, но, увидев сейчас, вспомнила не своё одиночество и унижение, а ту единственную ночь, проведённую с ним. Будто враз мои руки ослабели, и я, твёрдо державшая скальпель в критических ситуациях, сейчас с трудом

удерживала бокал. Хесус всё понял и молча удалился. Тони подошёл ко мне.

– Привет!

Я кивнула. От напряжения пересохло в горле, пришлось пригубить шампанское.

– Ты изменилась.

– Может быть, пять лет прошло.

– Да? – удивился он, – а мне показалось, что года два. Я видел мальчика, похож на меня. Ты вообще тогда подло поступила. Да ладно, проехали. Я устал с дороги, летел двенадцать часов. Поднимусь в номер, и ты не задерживайся, – и, повернувшись, пошёл к лифту. Сказать, что я была ошарашена его первой речью после пяти лет отсутствия, – не сказать ничего. Он не знает, сколько времени прошло...

Видел ребёнка, но ни разу не появился дома. Мои мысли прервал Хесус.

– Ну что? О чём шёл разговор?

– Ни о чём. Он что, видел Алекса?

– Наверное. Он ведь иногда приезжал летом.

– И ты мне ничего не говорил?!

– Я думал, тебе будет неприятно.

– Мне всё равно! – я лгала. Меня магнитом тянуло к нему.

И выпив для храбрости ещё два бокала вина, я поднялась в номер. Его вещи лежали на кресле, а сам он устроился в моей постели.

Вот это наглость, – подумала я почти с восхищением.

– И где мне теперь спать? – спросила я.

– Здесь, не на полу же, – раздался его голос.

– А я не привыкла спать с кем-то.

– Тогда на полу, – спокойным тоном сказал он и повернулся ко мне спиной.

Я была возмущена его бесцеремонностью, но, немного успокоившись, всё же легла рядом. Он спал, а мне не спалось. Было неудобно, потому что как бы не ложилась, всё равно касалась его спины. Но в итоге усталость взяла вверх, и я заснула. Проснувшись под утро и почувствовала на себе тот же самый взгляд, который однажды покори́л меня и полностью подчинил ему.

– Ты какой-то ненормальный!

– Поняла, наконец! Сама додумалась или кто-то просветил?

– Диагноз налицо, – вздохнула я и хотела отодвинуться, но он не дал...

Меня словно унесло течением в бурлящий поток. Я утонула в его объятиях и даже не пыталась выбраться. Я тонула красиво и медленно, наслаждаясь этим пьянящим состоянием безудержной страсти. Тогда впервые осознала, что больше никого не хочу видеть рядом. Только его! Это чувство меня поглотило целиком. Я поняла, что влюбилась окончательно и бесповоротно!

Через два дня мы вернулись домой. Как ни странно, Тони поехал со мной. Он поселился у нас на правах хозяина.

С утра уходил по делам, после обеда возвращался, по ночам страстно меня любил. Я была почти счастлива. А мой друг Хесус, моя поддержка и опора, ходил темнее тучи. В последнее время у него возникли проблемы с руководством клиники, где он работал, и в итоге он написал заявление об уходе. Тони всё это время уговаривал его поехать с ним, предлагал какой-то новый увлекательный и прибыльный бизнес. И через три месяца они уехали. Мне было плохо. Я опять осталась одна. Но по-настоящему плохо мне стало, когда я узнала, что снова беременна. Это уже смахивало на сюжет дешёвого сериала. Несколько раз я звонила Хесусу и предлагала вернуться. Даже договорилась с руководством своей клиники, где он мог бы сделать неплохую карьеру. Но Сесу уже втянулся в новый бизнес. Он приехал через полгода ненадолго и опять уехал. Тони периодически звонил, не часто, но звонил.

Я и в этот раз родила в положенный срок, теперь уже – двух мальчиков-близнецов. Мать Хесуса сказала, что в семье Тони рождались близнецы. Сам Тони не появлялся. Судьба будто издевалась надо мной. Он заявился, когда близнецам исполнилось три года. Одному из них я дала имя отца Хесуса – Алонсо, поскольку он сделал для меня и детей больше, чем мой родной отец.

Все эти годы я разрывалась между работой и домом. Уже три няни трудились у меня. Хесус звонил почти каждый день, а Тони – в неделю раз. Но я настолько была занята, что

скупать не было времени. Только иногда ночами, когда тоска брала за сердце, в слезах засыпала, представляя лицо любимого. Время шло, и в один из летних дней они вернулись: загорелые до черноты, похудевшие, весёлые. Хесус так сильно соскучился по мне, что долго обнимал, до тех пор, пока Тони не запустил в него диванной подушкой. Затем переключились на детей; близнецы разревелись. Они привыкли к тишине и не любили посторонних. Моя голова раскалывалась, они всё рассказывали о каких-то приисках, о долине, скрытой среди гор и об огромных прибылях.

– А разве тебе не хватает денег? – спросила я у Хесуса. Тот смутился.

– Дело не в деньгах, Тана. Ты не представляешь, как там красиво и интересно, только тебя очень не хватает.

– Лететь пятнадцать часов, чтобы жить непонятно где и заниматься не пойми, чем, – я пожала плечами.

– Когда-нибудь я возьму тебя с собой, и ты увидишь, как там необыкновенно, – произнёс Хесус.

– И тебе не жалко диплома врача? Ты же хороший хирург. Зачем тебе это, Сесу? С каждым днём ты всё больше теряешь приобретённые за годы работы навыки и отдаляешься от профессии.

Он пожал плечами.

– Я думаю заняться только бизнесом, медицина – не моё.

– Кто это сказал? – я была в ярости. – Для чего ты про-

учился почти девять лет? Для того чтобы заявить, что – медицина не твоё? А мотаться по миру, строя из себя бизнесмена, – твоё?

Тони, не вмешиваясь, с интересом слушал наш диалог.

– Пойми, я зарабатываю сам, не беру денег у отца.

– Ты просто попал под дурное влияние, – я поняла, что бесполезно объяснять Хесусу что-либо, – мне не хватает тебя здесь, твоей поддержки, мне тяжело.

– Я понимаю, но это ненадолго. Когда там все наладится, мы вернёмся.

– Тогда твой брат найдёт новое место и потащит тебя за собой.

Мне запомнился тот разговор тем, как Хесус защищал брата и старался оправдать то дело, которому они посвящали всё своё время. После того разговора я отдалилась от Хесуса. Не знаю, был ли он влюблён в меня по-настоящему, или это были глубокие дружеские чувства... Позже его мама мне рассказала, что он живёт с какой-то женщиной и вроде бы счастлив. А я решила больше не вмешиваться в их дела и принимать всё так, как есть, потому как понимала: мой жизненный сценарий написан как будто двумя людьми – чопорным джентльменом и клоуном-весельчаком. В то время как джентльмен писал о моём предназначении на земле, клоун в его отсутствие дописывал мою жалкую личную жизнь, изгаляясь и хихикая.

Так прошло десять лет. За это время мой муж периодиче-

ски появлялся и опять исчезал. Дети росли. Близнецам было уже по четырнадцать лет. Всю свою энергию и силу я отдавала работе. И уже имя моё в определённых кругах звучало наравне со многими выдающимися хирургами. Самое страшное было то, что я всё время ждала Тони. Меня будто переключило на нём. За мной ухаживали многие мужчины, но в конце концов моё безразличие и холодность распугали всех. И я осталась в одиночестве. Каждый вечер, ложась спать, я представляла, что он завтра приедет. Но наступало завтра, затем послезавтра, а Тони всё не появлялся. Мы общались по телефону, он писал мне и звонил, но рядом его не было. Я научилась жить с невидимым фантомом. Он был виден только мне одной. Он существовал в моих снах и мечтах и никого на его месте я уже видеть не хотела. Станным образом во мне сочетались две личности: хирург со стальными нервами и жёстким характером, женщина с мужской профессией, делавшая больно ради будущей жизни пациента, и другая – ранимая, любящая, прощающая всё ради коротких и редких встреч с любимым. Иногда, проходя мимо зеркала, я обращала внимание на выражение своего лица: лёгкая полуулыбка, будто приклеившаяся к моим губам, и печальные глаза. Глаза одинокой женщины, выбравшей для себя призрачную любовь. Любовь ли это была или состояние души? Упрямство или нежелание отместить прошлое, раз и навсегда изменить свою жизнь? Я цеплялась за те короткие промежутки времени, когда он был рядом, когда была иллюзия семьи, и

мне как будто становилось легче.

Дни бежали за днями с бешеным ритмом. И чем быстрее летело время, тем с большим остервенением я ждала его. Ждала, ненавидя других мужчин за то, что они оказывали мне знаки внимания, за то, что хотели меня как женщину. Презирала их за то, что не могла никого видеть рядом, кроме него. Я жила в иллюзорном мире, который создала сама, не понимая, что времена года, стремительно сменяя друг друга, уносят с собой не только прошлогодние листья и талый снег, но и нечто важное – мои годы жизни. Мне было страшно говорить с кем-то о нём. Было страшно услышать то, чего боялась больше всего, – что у него есть другая женщина. И тогда мой хрупкий стеклянный мир эфемерного счастья рассыпался бы на сотни тысяч осколков, вонзившись в моё и без того израненное сердце.

Мне уже было за сорок. Мои дети учились за границей, я периодически ездила к ним. Дважды ложилась на операцию, приводила себя в порядок, убирала возрастные изменения. Зачем-то увеличила грудь. Зачем, не знаю. Я всё время работала над собой, хотела быть лучше. Доказывала самой себе, что красива, умна. Трудно какой-то женщине соревноваться со мной. Мои кремы стоили бешеных денег. Я со страхом следила за каждой новой морщинкой, и вскоре они перестали появляться, будто остановилось время. Была подтянутой, моложавой, словно сошла со страниц модного журнала. Это моё состояние в режиме ожидания длилось годами. Мне хо-

телось забыть прошлое, жить настоящим, получать удовольствие от букета цветов, от морского прибоя, от заката и рассвета. Я даже поехала в Анды к местному шаману, чтобы он помог мне. Он долго смотрел в чашку с жидкостью чайного цвета, качая головой, а потом вытащил из кармана широких штанин стеклянный шар, в котором крошечная фигурка стояла под хлопьями снежинок. Таких игрушек бывает полно на рождественских ярмарках. Я удивилась, но то, что он сказал после, затронуло меня до глубины души.

– Ты уже давно в этом стекле. Тебя засыпает снегом, и ты одна. Помочь себе сможешь, только разбив стекло.

Сказав это, он перевернул ладонь, и шарик упал, разбившись на мелкие осколки, а фигурка, целая и невредимая, лежала сверху. Он аккуратно поднял маленькую куклу в голубом платье и протянул мне.

– Tu respuesta. (Твой ответ)

Я была потрясена мудростью и видением старого человека. Как точно он воссоздал картину моего добровольного заточения. Ведь я всегда так и представляла своё счастье с Тони – стеклянным, хрупким, уязвимым.

После поездки в Перу я много думала о своей жизни, о детях, об их отце. Я и раньше часто жалела себя, но не доводила свои мысли до логического конца, всегда тормозила, делала паузу и начинала придумывать несуществующие положительные стороны моей жизни. Я оправдывала Тони. Теперь же словно пелена спала с глаз. Я признавалась себе, что

он просто был чужим человеком. Он жил своей жизнью где-то далеко, на другом конце света. Жил в своё удовольствие, ел, пил, гулял, встречался с женщинами, не вспоминая и не заботясь о своей жене и детях. А его редкие приезды, ставшие самыми долгожданнами событиями моей жизни, ничего не значили для него. Как же можно было так жить? – всё чаще стала я задавать себе вопрос. И какая-то непонятная сила будто росла и крепла во мне, готовая в секунду перевернуть мою жизнь. Я не сопротивлялась, мне было всё равно, я считала, что проиграла в этой игре, такой безжалостной ко мне, к той, которая безропотно приняла все правила и честно играла до конца. отца Хесуса приближался юбилей – семьдесят пять лет. Алонсо очень любил собирать друзей и родственников. Я тоже была приглашена на торжество. Мои мальчишки прилетели специально, чтобы поздравить дедушку. Мы поехали пораньше. Названные родители моего мужа уже давно жили за городом. Стояла поздняя осень. Некогда открытая веранда теперь была застеклена. Были накрыты столы и свечи, горевшие в канделябрах, красиво отражались в витринных стёклах. Потихоньку съезжались гости.

– А у меня сюрприз для вас, – хитро улыбаясь, сказал юбиляр, – мои самые дорогие гости вот-вот придут из аэропорта. Их самолёт уже приземлился.

– Как хорошо папа, что вы так радуетесь, – обняла я старого человека.

– Ты хорошая, Тана! Прости меня, за то, что я сделал мно-

го лет назад. Может, твоя жизнь сложилась бы иначе.

– Всё хорошо! Ты всё сделал правильно!

Я всегда подозревала, что отец Хесуса в глубине души жалеет, что настоял тогда на нашей свадьбе с Тони. Но какой сейчас в этом был смысл...

Почти половина гостей были моими пациентами. Они без конца подходили и благодарили меня. Мой старший сын с улыбкой наблюдал за мной. Как много лет назад, повсюду были зажжены китайские фонарики. Люди пили шампанское, весело переговаривались, а мне было не по себе. Я знала, что увижу его и впервые в жизни не хотела встречи. Но с другой стороны, было огромное желание расставить все точки над «и». Двойное чувство.

Я стояла у большого венецианского окна, откуда просматривалась дорога, ведущая от ворот к дому. Моя маленькая сумочка упала с туалетного столика, и я повесила её на плечо. За окном темнело. В какой-то момент я замешкалась, увидев знакомый силуэт, и, резко повернувшись, хотела отойти от окна. Маленькая сумочка с металлическими краями буквально слегка коснулась стекла. Раздался громкий звон, и это огромное окно, превратившись в миллионы осколков, посыпалось к моим ногам. В зале воцарилась тишина, и все гости в недоумении обернулись ко мне. А по ту сторону окна стоял он. Какой-то потрёпанный, постаревший, выцветший, что-ли, под солнцем чужих стран. Я будто посмотрела на него другими глазами. И это не были глаза

любящей женщины. По его изумлённому лицу я поняла, что моя неустанная борьба с возрастом не прошла даром. Отвернувшись, я взяла у оторопевшего официанта бокал шампанского и поняла – отпустило! Я не чувствовала ничего, не испытывала никаких эмоций. Свобода! Поздняя! Внезапная! Моя!

БУМЕРАНГ

Стрекоза порхала над ярко-жёлтыми цветками георгинов. Её полупрозрачные крылышки отливали изумрудом, бирюзой и гранатами одновременно. Стояла середина лета. Я сидела в парке на скамейке у большого водоёма и ждала его. Мы были вместе уже четыре года. Я знала, что он женат, у него растёт девочка, ровесница моей дочери. Знала, что лезу в семью, разбиваю чужое счастье, но ничего не могла с собой поделать. Меня тянуло этому мужчине. Вначале я пыталась как-то маскировать нашу связь, отправляя его рано домой, заставляя покупать жене цветы. Но позже пресловутый женский эгоизм взял верх, и я стала делать всё с точностью наоборот, для того чтобы у него в семье узнали о моём существовании. Говорят, счастье любит тишину. А мне хотелось шума, крика, скандала. Я хотела его целиком, мне необходимо было находиться с ним двадцать четыре часа в сутки. Думать о другой женщине и чужом ребёнке не хотелось.

Моей мечтой было увести его из семьи и построить своё собственное гнездо, пусть даже и на обломках другой семейной жизни.

Нас познакомили на вечеринке у моей приятельницы. Она отмечала юбилей своей компанией. Я вообще не собиралась туда идти, всё получилось как-то спонтанно.

В моей жизни давно уже тянулась серая полоса, не чёрная

и не белая, а именно серая. Когда я была ребёнком, мой отец работал в Средней Азии, и мы с мамой и бабушкой ездили к нему. Там посреди улицы текли арыки. Вода в каналах была мутновато-серой. Это было удивительно, как ручейки протекают посреди города. Они на всю жизнь отпечатались в моей памяти. Так вот и жизнь моя напоминала мне арык. Вроде, не стоит, движется, течёт, а вода – муть.

С мужем мы развелись, когда дочке было три года, он сильно пил. А я не захотела бороться, вытаскивать его из беды, и просто выставила его за дверь. Через некоторое время он встретил женщину старше себя, влюбился, бросил пить. Вроде, у них всё хорошо. С дочкой видится, алименты исправно посылает. Я работаю на фирме бухгалтером. Иногда задерживаюсь допоздна. За дочкой присматривает соседка, тётя Аля. Домой возвращаюсь уставшая, по пути забежав в магазин и нагрузившись пакетами. Медленно иду и всегда обращаю внимание на освещенные окна домов. Представляю, как так же, нагруженные пакетами, возвращаются домой уставшие отцы семейства, а жены встречают их у накрытого стола, ласково улыбаясь. А не то, что я, – с виноватой улыбкой вхожу к себе домой, извиняясь перед соседкой, что задержалась. Сваливаю в кучу продукты на стол тороплюсь приготовить что-нибудь на ужин, на очень поздний ужин. И когда уже все готово, моя девочка попросту засыпает на диване, а сама я, глотая слезы, еле живая от усталости, принимаюсь за еду. И только потому, что надо поесть. Так шли дни

за днями, и я не думала менять что-либо в своей жизни. Моя мама часто приходила к нам в гости, помогала мне по хозяйству и все время читала нравоучения. Я теперь отчетливо осознаю, что мои комплексы берут своё начало из детства. Да, это звучит банально, все психологи в один голос твердят, что у наших проблем ноги растут оттуда. Но у меня реально было так. Мама очень властная женщина, вдова офицера, привыкла командовать надо мной и братом. Брат, беспрекословно выполняя мамины желания, стал военным. Он уехал в другой город, и я осталась целиком под маминой властью. В мои тридцать четыре года, она могла заявить: «Что это ты вырядилась в это платье, оно кургузое и облегает тебя, переоденься-ка». И я послушно, как заговоренная, шла и переодевалась. Скорее и с разводом она внесла свои коррективы: «Лучше жить одной, чем с алкашом, и потом, горбатого могила исправит. Работай, воспитывай дочку. Ну их, этих мужиков. Замужем побывала раз, сама видишь, ничего хорошего». Ее зоркий глаз постоянно следил за мной. И когда она собралась уезжать к сыну, -мой брат получил травму на учениях я вздохнула полной грудью. Будто избавилась от ярма. Звучит, конечно, некорректно по отношению к матери, но тем не менее это так. Все и началось после ее отъезда. Меня будто подменили, я стала стремительно меняться, осветлила волосы, поменяла стиль одежды. Мои юбки стали короче, а вырезы глубже. Даже смеяться я стала по-другому – громко и заливисто. Словно знаки подавала – я тут,

оглянитесь. Вот как раз после этой метаморфозы я и попала на ту вечеринку, где и познакомилась с Аликом. На меня в этот вечер заглядывались многие мужчины, но почему-то я выбрала именно его. Влюбилась с первого взгляда. Смешно, да? Да, не было влюбленности. Это я могу совершенно точно заявить. Отчаяние было и азарт. Вот и все. Это потом уже я начала ценить его доброту, внимание и нерешительность. Мне жизненно необходимо было быть чьей – то половинкой. И я выбрала его. С каким – то исступлением я начала его добиваться, а он и не сопротивлялся. Нам было хорошо вместе. Я думаю, он влюбился в мою бесшабашность, мою весёлость, в мое желание заниматься любовью везде и всегда. Сейчас, анализируя своё поведение, я понимаю, насколько искусственно и пошло выглядела в глазах окружающих. Но тогда мне было всё равно. Я навёрстывала упущенное, как мне казалось. Торопилась жить, попросту попирая законы морали человечности.

Моя дочка должна была пойти в первый класс, и его ребенок тоже. Я знала, в какую школу они устроили девочку, и втайне отдала документы туда же. Они попали в один класс, к одной и той же учительнице. Зачем я это сделала, сама не пойму. Я наблюдала за его женой, спокойной тихой женщиной, и за дочкой, худенькой черноволосой девочкой. На первом школьном собрании я села рядом с его женой. Мы разговорились, она работала педагогом французского языка. Раньше была переводчиком, много ездила, но дочка роди-

лась болезненной, и ей пришлось уйти с работы и устроиться почасовиком.

– А муж ваш кем работает? Тогда она запнулась и, виновато улыбнувшись, перевела разговор в другое русло. Это случилось тогда, когда он ушел из дома и уже неделю жил у меня. До сих пор не могу понять, зачем мне это было нужно. Я увела человека из семьи, так ещё полезла в душу к женщине, которая мучилась и страдала по моей вине. Что я хотела узнать? Как она его любила, как врачи запретили ей рожать, а она пошла на риск с больными почками?

Он хотел девочку, и она родилась. Слабенькая, болезненная, она плохо кушала, почти не спала, и отец до утра укачивал её на руках, и только так ребёнок успокаивался и засыпал.

Постепенно я всё узнала об их семье, подружилась с Томой – так звали его жену. Он, конечно, ни о чём не догадывался, а я всё больше втягивалась в эту игру, игру бессовестную, без правил, и, как поняла позже, – без победителей. В этой мерзкой игре исход был predetermined заранее.

Томой мы жили в разных концах города. Школа, в которой учились наши дети, была ближе к ним, и мне было тяжело возить дочку так далеко. Я скрывала от Алика школу, где училась моя дочь, наняла водителя на деньги любовника, и он возил моего ребёнка. Алик хорошо зарабатывал и щедро тратил на нас, тогда как в свою семью передавал лишь небольшую сумму денег. Отдыхать мы поехали вме-

сте на горнолыжный курорт, где Алик выглядел абсолютно счастливым: он катался на лыжах и учил мою дочку, как правильно съезжать с горки. Потом мы сидели в уютном ресторане, где потрескивали дрова в камине, пили горячий гринтвейн, а ночью, счастливая, я засыпала в его объятиях. За короткий срок я добилась всего, чего хотела: возле меня был любящий мужчина, исполняющий мои желания, я любила и была любима.

Дочка моя перешла во второй класс, и я подумывала забрать её с этой школы и забыть о его бывшей семье, но почему-то оттягивала.

Первый тревожный звонок прозвучал, когда моя дочка захотела отметить дома свой день рождения с подружками. Алика дочка тоже входила в число приглашённых. Но мне удалось отговорить её от празднования дома и отметить торжество в ресторане. Туда девочка не пришла, а через день моя дочь принесла домой подарок. Это была книга в подарочном пакете – «Сказки» Г.Х. Андерсена. Тома позвонила мне на сотовый и извинилась, что не смогла привести дочку в ресторан. Я поблагодарила её за книгу, и неожиданно она пригласила меня с дочкой в гости. Мы договорились на пятницу, и я специально отпросилась с работы и пришла к ней утром, чтобы не брать с собой дочку. Я боялась, что моя девочка может увидеть фотографию Алика и узнать его. Тома накрыла стол для чая, испекла яблочный пирог. Мне было интересно увидеть, где он жил. Квартира была просторная и

очень аккуратная, в ней не было ничего лишнего. Мы пили чай, болтали ни о чём, и вдруг она спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.